

Смирнов С.А.

К вопросу о смысловой самонавигации. Идея антропоидного картоида.

Аннотация: В статье вводится представление о карте личности посредством категории «антропоидного картоида». Автор предлагает рассмотреть проблему построения и развития личности через призму составления карты-путеводителя, которую составляет человек в рамках своего личностного развития. В статье описывается ситуация востребованности и одновременно проблематичности составления подобной карты. Последнее связано с тем, что современный человек переживает ситуацию, получившую название ситуации «после Освенцима», культурной паузы, то есть той поры, когда уничтожаются или радикально проблематизируются многие ранее принятые в качестве базовых культурные символы и образцы. Показывается, что культурной формой передачи культуры в такой ситуации становится свидетельство того, кто осуществляет на себе предельный антропологический опыт. Автор указывает на сложность и чреватость такого опыта свидетельствования в ситуации «после...». В статье вводится ряд принципов, на которых базируется антропоидный картоид, отличающийся от привычной карты тем, что он является одновременно как внешним инструментом по личностной самонавигации, так и дневником, бортовым журналом и частью органа самой личности составителя этой карты. Введение в оборот понятия "антропоидного картоида", отличающегося от известного понятия и инструмента, карты территории. Картоид вводится для удержания специфики работы, связанной с личностной траекторией человека. Новизна работы связана с введением как смыслового понятия антропоидного картоида, так и введением ряда базовых принципов, на основании которых строится антропопрактика по составлению антропоидного картоида. В работе показана связь актуальности и необходимости перехода к работе по составлению антропоидных картоидов – это ситуация ухода символического горизонта культуры, ситуация, получившая название "после Освенцима". Автор заостряет проблему передачи опыта от поколения к поколению в этой ситуации, которая характеризуется онтологическим опустыниванием и принципиальной невозможностью передачи опыта и культурных образцов. В такой ситуации возникает реальная проблема составления карты личности, устроенной по иным принципам, нежели привычные индивидуальные траектории индивидуального развития.

Ключевые слова: Карта личности, ситуация человека, смысловая самонавигация, антропоидный картоид, эгональ, свидетельство, после Освенцима, проводник в культуре, тьютор, символический горизонт.

Review: The author of the article introduces the idea of the personality map by using the category of "anthropoid cartoid". The author suggests that we should consider the problem of personal development from the point of view of a guide/map created by a person in the process of his personal development. The researcher underlines the need for creating such a map and at the same time stresses out how difficult it is to develop it. The latter is due to the fact that modern man is experiencing the "after Auschwitz" situation, a cultural pause, i.e. the time when previously adopted basic cultural symbols and patterns are either destroyed or fundamentally changed. The author demonstrates that a form of cultural transmission in such a situation is the testimony of one who has the ultimate anthropological experience. The author emphasizes the complexity and fraught with such experience in witnessing the 'after' situation. The author of the article introduces a number of principles forming the basis of the anthropological cartoid that differs from the usual personality map because it is both an external tool for personal self-navigation and a diary/part of personality of a person who creates the map. The introduction of the term 'cartoid' allows to point out peculiarities of personal development. The novelty of the article is caused by the fact that the author offers a definition of anthropoid cartoid and describes a number of the basic principles the anthropopractical method of creating the anthropoid cartoid is based on. The author emphasizes the need to work on creation of such anthropoid cartoids as the situation of recession of the symbolic horizon of culture, i.e. the situation that was called The After Auschwitz Situation. The author stresses out the problem for transferring experience throughout generations in the after auschwitz situation characterized with the ontological emptiness and fundamental inability to transmit experience and cultural patterns. This emphasizes the need for creating a personality map that would be based on different principles rather than usual individual development pathways.

Keywords: Symbolic horizon, tutor, culture conductor, personality map, situation of man, semantic self-navigation, anthropoid cartoid, egonal, evidence, after Auschwitz.

Этот воздух пусть будет свидетелем.
 Дальнобойное сердце его
 И в землянках, всеядный и деятельный,
 Океан без окна – вещество...

О. Мандельштам

1. Свидетельство как проблема

Проблема самоопределения и само-навигации человека в мире всякий раз обостряется во времена, которые наступают «после» – после войн, после катастроф, утери личностных смыслов, потери горизонтов, ориентиров, жизненных опор. Люди теряют свою идентичность, забывают, кто они. Свидетельств этому множество.

Но есть вопрос более острый и актуальный – что делать человеку после того, как это случилось? Что делать человеку после войны, после катастрофы, после утери опор и смыслов? Что ему делать в ситуации, которая давно получила символическое название «после Освенцима и ГУЛАГа»?

Проблема обостряется тем, что она, эта ситуация всеожжения символов, смыслов и утраты горизонтов, повторяется всё чаще, всё резче и глубже. Расстрел и уничтожение религиозными фанатиками античных храмов в г.Пальмира, означающее сознательное уничтожение человеческой памяти и стирание символического горизонта, показывает, что Освенцим продолжается. Фашизм в человеке не умер. Он всякий раз возрождается.

Мы всякий раз надеемся, что печи Освенцима не повторятся и Хиросимы больше не будет. Мы надеемся и призываем в свидетели тех, кто выжил. Но...

О чём могут свидетельствовать те, кто выжил? О чём и как можно свидетельствовать, когда свидетельствовать невозможно? Может ли отец рассказать своему сыну о своей смерти? Что и как тот узнает от него, ушедшего в ту «страну, откуда ни один не возвращался», как об этом вопрошал Гамлет? Что и как может рассказать своим потомкам тот, кто канул в печях Освенцима? Канувшие и не вернувшиеся из Ничто все равно ничего нам не скажут.

А чудом выжившие всякий раз, даже если и пытаются что-то сказать, признаются, что никакое их свидетельство здесь не работает, точ-

нее, не может работать, потому что невозможно свидетельствовать о Ничто тому, кто выжил. Тот, кто выжил, в Ничто все же не попал. А если кто-то ушел туда, по ту сторону, тот не вернулся и свидетельствовать не может: «...не мы, оставшиеся в живых, настоящие свидетели... Об уничтожении, доведенном до конца, завершено полностью, не рассказал никто, потому что никто не возвращается, чтобы рассказать о своей смерти...» [1, с. 68-69].

Это граничит с цинизмом – разбирать с холодной головой ситуации Освенцима или ГУЛАГа. Но что нам делать после Освенцима? И что нам остается после Освенцима и ГУЛАГа? Пепел сожженных не может свидетельствовать. Канувшие безмолвствуют. Но остается историческая память.

Дж. Агамбен в своей книге, посвященной этой проблеме, пишет: «Свидетель свидетельствует обычно во имя правды и справедливости, и они придают его словам прочность и полноту. Но здесь свидетельство в сущности равняется тому, что в нем отсутствует; содержит в своей сердцевине не-свидетельствуемое, которое лишает выживших авторитета» [2, с. 35].

О каком авторитете идет речь? О чем он? А что, выживший должен теперь извиниться, что он остался жив? И что, ему теперь надо молчать только потому, что его не сожгли в печи и потому он, бедняга, не настоящий свидетель, потому что он не мертвый? А плач по умершему? Почему это не является аргументом для Агамбена?

Есть и другой пример. Варлам Шаламов его показал. Он собой предъявил живое свидетельство, став таковым и предъявив миру это свидетельство в форме своих «Колымских рассказов» и «Колымских тетрадей».

Опыт Шаламова вдвойне поучителен именно потому, что он не наблюдатель и не писатель. Он свидетель того опыта, опыта жизни за чертой, жизни в смерти, в этом Ничто. Про этот запредельный опыт описать невозможно. Но он все же предъявил это свидетельство.

Статья написана в рамках проекта «Построение неклассической антропологии. Новая онтология человека» при поддержке Российского научного фонда (№14-18-03087).

Потому что не писал, а кричал. Это свидетельство было ясное, оглушительное, точное, звонкое, как пощечина.

Дж. Агамбен честно пытается понять и услышать свидетелей и понять ситуацию после Освенцима. Осталось ли что-то или одни печи и камеры?

В.Т.Шаламов ответ давно уже получил для себя. Он иллюзий не строит: «Я не верю в литературу. Не верю в ее возможность по исправлению человека. Опыт гуманистической литературы привёл к кровавым казням двадцатого столетия перед моими глазами. Я не верю в возможность что-нибудь предупредить, избавить от повторения. История повторяется. И любой расстрел тридцать седьмого года может быть повторен» [3, с. 3]. Но он всё же пишет свои рассказы, потому что тот, кто их прочитает, должен в своем опыте сделать что-то. Человек должен что-то сделать. Что? Что мы должны сделать такого, чтобы 37-й не повторился? Чтобы не повторился Освенцим?

Дж. Агамбен ответа не дает, он лелеет надежду, что больше Освенцим не повторится.

Дело в том, что институты трансляции культурных образцов, такие, как церковь, школа, сами переживают не лучшие времена. Церковь страдает либо от излишней ортодоксии, либо от собственных радикалов. А образование само переживает радикальный кризис: оно окончательно перестало быть институтом человека, институтом взращивания человека. Школе некогда думать о человеке. Школа превратилась в тренировочную площадку по подготовке к сдаче ЕГЭ.

Поэтому, с одной стороны, образование, призванное быть институтом, отвечающим за сохранение и трансляцию культурных образов, за удержание смыслового символического горизонта, перестает быть таковым институтом. Оно даже социализацию человека толком не выполняет.

Но с другой стороны, проблема стоит еще жестче: первое – передать нечего, поскольку сами символы и образцы уничтожаются; второе – передать некому, поскольку молодое поколение все более не приемлет образцы отцов; третье – передать некем, поскольку сами отцы перестают быть носителями таковых образцов. Они либо гибнут, либо перестают быть таковыми носителями, культурными авторитетами.

Мы попадаем тем самым в зону опустынивания, отсутствия онтологических смыслов, даже не в Ничто, а в зону бессмыслия и небытия.

Мы попадаем в ситуацию онтологического перехода, необходимости нового обретения новой культурной нормы, необходимости восстановления и выстраивания символического горизонта и базовых смысловых опор.

Мы возвращаемся снова к проблеме человеческой нормы, выстраивания нового словаря человека, соответствующего вызовам, и вынуждены говорить о человеке в таких категориях, как граница, событийность, свидетельство, переход.

Переходность становится нашим постоянным событием, способом существования. Но событийность и переходность чревата катастрофой, то есть сменой базовых норм. Пребывание на границе всегда катастрофично. В этой переходности и граничности отсутствует рецепт и нет гарантий спасения и успеха. Всякий раз восстанавливается метафизическая ситуация Гамлета, жившего по принципу постоянной готовности: «Я готов». Необходимо быть всегда готовым, готовым ко всему. В том числе к радикальным вызовам.

Поэтому актуальной становится проблема оснащенности, оснастки героя в ситуации всегда-готовности. А поэтому актуальной становится тема разработки, выработки антропопрактик, помогающих человеку выстраивать личностную навигацию в открытом проблемном жизненном пространстве.

А в принципиально открытом и проблемном поле обостряется ситуация смыслового и онтологического самоопределения и самонавигации человека.

На что можно опереться? На смысл, на предельный смысл, на котором только и может удерживаться жизненный горизонт. Смысл – тот знак, который не отчуждаем от автора, его производящего. Смысл – репер, след в пути. Посредством смысла человек фиксирует свое присутствие в мире.

Но поскольку смысл не отчуждаем, являясь авторским почерком, то он не транслируется, а передается в акте личного общения. Точнее не передается, а показывается как пример, как свидетельство: «Встань и иди. Иди и смотри. Смотри и делай».

Это свидетельство другого опыта, значимого для того, кому он показывается.

Тогда тот, кто показывает пример, становится свидетелем того, что в принципе не переживаемо тем, кому он показывается. Взять как вещь свидетельство нельзя. В таком случае приходится совершать акт творения своих смыслов. Как это сделал упомянутый

В.Т.Шаламов. Он повторил в своей душе ГУ-ЛАГ после пребывания в нём и сотворил свои рассказы. Такое свидетельство-пример становится ключевым способом смысловой связи-коммуникации.

Но эти примеры-свидетельства проблематично показывать, не фиксируя их как следы, как зарубки на память. Охотник, идя по следу зверя, может его выследить. Потому что след был оставлен. Если след свидетельства не оставляется, то он смывается как отпечаток на песке. Нужна фиксация свидетельства. Фиксировать его можно только одним способом – посредством составления карты личности.

2. Идентичность Проводника в культуре

В этой связи актуальной становится практика по выстраиванию разного рода карт, путеводителей, навигаторов, помогающих выстраивать собственную траекторию Пути, карту-путеводитель в зоне неизвестности.

Но движение по неизвестной местности обычно осуществляется с помощью проводника. Фигуры идентичности последнего известны самые различные. Это советник по жизни, пестун, тьютор, шерц, гид, сталкер ... Если говорить о духовных практиках, то здесь примеров множество. Это и фигура учителя Сократа, обучающего молодого Алкивиада тому, что надо бы заботиться о себе, о своей душе. Это духовные упражнения Игнатия Лойолы, которые необходимо проделывать при помощи учителя-поводыря. Это молитвенные практики священнобесмолвия у православных монахов-исихастов, по которым составлен органон-наставление. Это коаны учителей-даосов в древнекитайской традиции. Это разного рода современные практики консультирования и психотерапии (начиная с простых психопрактических советов по жизни и заканчивая экзистенциальным анализом).

Подобные практики душепопечения связаны с обязательным присутствием учителя, стоящего рядом с учеником. Специфика работы проводника-духовника заключается в том, что тот, кого он сопровождает, не знает пути, не знает местности, не знает всех деталей, опасностей, которые его подстерегают в пути духовного становления, а проводник знает. Поэтому ведомому дают в провозятые проводника-гида, полагая, что тот уже знает маршрут, он по нему уже ходил, у него есть опыт прохождения пути. Тропа им протоптана.

Но однажды наступает момент, когда придется сделать самостоятельный шаг по ту сторону, в неизвестное. Туда, куда тропа не протоптана, маршрут не известен, и карта не составлена. Туда, куда не ступала нога человека...

Тогда возникает необходимость в новой фигуре – не внешнего гида, духовного наставника, а внутреннего самонавигатора. Эта фигура более экзотична, редка, но всё же встречается в культуре. Это фигуры личного кормчего, личного Сталкера, Пионера, Скаута, которые ты сам в себе вырабатываешь.

Сложность такой внутренней самонавигации заключается в том, что человек, осуществляющий личностную самонавигацию, и карта пути, которую он составляет, как бы совмещаются в одном носителе – личности навигатора. Тем самым мы имеем дело в этом случае уже не с картой, отчуждённой от путника, а с антропоидным картоидом, который как бы встроен в личность путника, «сидит» на нём.

3. Карта личности или антропоидный картоид

Идею картоида в своё время предложил географ Б.Б. Родоман [4; 5]. Картоид отличается от привычной географической карты тем, что он носит отчётливо выраженный личностный характер, обозначаемый по принципу: «карта не территория». Б.Б. Родоман, будучи географом, понимал, что карт нейтральных, отчуждённых от тех, кто ими пользуется, не бывает. Карты всегда живые, освоенные, обжитые. В противном случае это просто бумага с нарисованными на ней не понятными знаками.

Представим себе ситуацию: человек приезжает в незнакомый город и решает его изучить. Он покупает карту и понемногу начинает осваивать местность. Идёт в одно место, в другое, опираясь на карту, наносит на неё свои значки, рисует стрелки, что-то помечает. Постепенно через неделю город начинает для него оживать, осваиваться. И карта становится всё более ненужной, поскольку она вжилась в этого человека, стала его частью. Человек нарисовал на себе, на своей памяти, уже свой город, обжитый, освоенный. Карта, ранее купленная этим гостем, уже не нужна, но она осталась в ином виде, обжитом, перенарисованном, она стала картоидом, не делимым уже от путника. В следующий раз, приехав в этот город, он может восстановить пройденные маршруты, не пользуясь внешней картой.

С этим феноменом обживания и вживания карты в человека и связана идея картоида.

В картоиде одновременно совмещаются разные функции: карты незнакомой местности, рефлексивного дневника самонаблюдений, бортового журнала, записок путешественника, прибора-инструмента, с помощью которого ведется наблюдение и фиксируются точки-реперы Пути. Он становится татуировкой и автографом на теле личности путника.

С одной стороны, картоид выполняет роль инструмента по навигации, с другой, он выступает посредником, с помощью которого человек-путник, составляя собственный маршрут, одновременно его проходя, постепенно переживает изменения самого себя, поскольку карта незнакомой зоны вживается в него, человек осваивает Путь, изменяя себя, того, кто был в начале пути. Делая шаг в незнакомой зоне, он меняет и себя, и саму Зону. Как Сталкер в фильме А.Тарковского.

Картоид становится не внешней приладой, а тем *культурным медиатором*, с помощью которого я совершаю преобразование, а с другой стороны, – он становится средством фиксации, способом визуализации этого преобразования.

Внешне это выглядит как татуировка на теле, которая читается, имеет шифр, код для прочтения, как любая карта имеет условные обозначения. Но внутренне картоид, в отличие от татуировки, означает структуру преобразования путника, идущего по пути, а не просто внешние символы, по которым путник может прочесть о принадлежности обладателя татуировки к тому или иному племени.

В этом картоиде фиксируется сам механизм, точнее алгоритм, по которому совершается переход. Переход в неизвестное будущее, которое знать невозможно, но сконструировать его образ реально, причём, в формате именно личностного картоида. Последнее является принципиальным отличием гуманитарного форсайта от технологического форсайта, в рамках которого также строятся так называемые дорожные карты. Об этом мы уже писали в своих работах [6]. Это также отмечают и другие авторы (см., например, работу В.М. Розина [7]).

Итак, антропоидный картоид – это:

1. Знаково-символический посредник между мною *этим* и мною *тем*, совершающим акт перехода, – *сконструированный, построенный способ переходного действия* в зоне с непредсказуемым результатом, средство, ин-

струмент, часть оснастки для осуществления действия перехода. Я совершаю акт перехода-преобразования, рисуя как бы себя завтрашнего, переношу себя в завтра и всякий раз фиксирую момент изменений, делая пометки-зарубки на своем культурном теле.

2. На картоиде наносятся рефлексивные мысли-треки, фиксирующие акты-ходы переходов. Эти треки наносятся на внешнюю доску мышления. Картоид – средство, становящееся новым *функциональным органом* человека перехода, знаки и символы которого являются зарубками на культурном теле, царапинами и ранами. Картоид становится частью моего нового тела, культурного тела, органа, которое я могу при этом видеть как себя-другого, видеть треки-переходы. Антропоидный картоид – это, с одной стороны, *инструмент*, с другой – *орган*, часть самого тела, только культурного тела, в котором видны следы становления этого тела. Это собственный конструкт человека перехода, главная часть его оснастки.

3. Картоид становится *средством-оснасткой*, а не целью. Главное – не перейти и достигнуть, а перейти-преодолеть. Акцент делается не на цели перехода, а на оснастке, чтобы преодолеть переход. Потому что результат перехода непредсказуем, он не ясен в своем результате. Именно потому не ясен, потому что акт преобразования не может строиться по норме проектирования. Я преобразенный не могу быть мною представлен себе как готовый проект, поскольку это я сам – тот, завтрашний. Я могу в лучшем случае обратить свое усилие на свою оснастку перехода, а не на результат перехода.

4. Понятно, что картоид есть и *способ визуализации* переходного действия, события перехода. Эта визуализация может быть представлена как *эгональ*, лабиринтообразное движение, в отличие от привычных вертикали и горизонтали. Эгональ – это кривая, ломаная линия моего движения по преобразению, лабиринт пути.

5. Тем самым антропоидный картоид – это вынесенный за меня способ моего действия по переходу, но выступающий частью меня самого, частью уже моего иного тела, тела органа – способ визуализации и выражения в пространственных категориях *события перехода* (горизонт, вертикаль, горизонталь, эгональ и др.).

6. В любом случае картоид – это всё же не зеркало, не отражение меня наличного и

ставшего, который есть. Картоид суть *способ рефлексивного схватывания*, улавливания треков преобразований, зазубрин, следов моего метаморфоза.

Метафорическим примером такого эго-нального движения по неизвестной местности могут быть действия Сталкера в одноимённом фильме А.Тарковского. Эта метафора показывает тот путь в неизвестной Зоне, которая меняется всякий раз при действии героя. Герой не имеет карты пути по Зоне. Но он пытается чувствовать ее, почти слиться с ней. По мере продвижения по ней он меняется. И дойдя до заветной комнаты, в которой выполняются заветные желания, он останавливается перед ней. Ему незачем туда идти. Пока он шел к заветной цели, он изменился и понял, что желал не то, точнее, желал воспользоваться, использовать комнату как средство, не меняя себя.

Сталкер ведь не знает Зоны перехода. Карту Зоны он составить не может. Он не может выйти из Зоны и составить по памяти то, что в ней увидел. Даже если и составит, то потом, придя туда, он увидит, что в Зоне все изменилось. Она стала другой. И старая карта уже не работает. Она моментально устареет. Картоид – это не карта Зоны. Это карта собственных поисковых шагов в Зоне.

Привычные разведочные действия (как в геологоразведке) сталкер также совершить не может. Поскольку нанесенные разведчиком-сталкером пометки на карте Зоны будут не действительны.

Составление антропоидного картоида означает фактически отказ от вертикально-горизонтальной ориентации в мире. Мы неосознанно подсовываем под свои представления в том числе и о будущем допущение о вертикально-горизонтальной организации нашего существования. Известно, что ориентация человека в пространстве привычным образом описывается в вертикально-горизонтальных координатах [8]. Причем в оценочном залоге. Горизонтальное пребывание нами мыслится как эмпирическое, обыденное существование. Альтернатива ему – вертикальное восхождение. И будущее мнилось нами всегда как движение по вертикали, потом падение, и вновь подъем. Мы подкладывали в наш постав о человеке вертикальную составляющую как одну из базовых онтологем. Онтология человека была всегда вертикально ориентированной. Во времена кризисов и переходных эпох, когда очередная вертикаль рушилась, мы лихорадочно искали ей новую замену, новую

вертикаль. Ставили новый шест для человека – давай, прыгай! *Nic, Rodos! Nic salta!*

Думаю, что в открытом проблемном поле для онтологического самоопределения, о чём мы говорили в начале статьи, имеет смысл допускать иные онтологемы, в которых как бы снимаются эти вертикально-горизонтальные ориентации и ставятся иные, в которых преодолеваются эти ограничения и оценки. Движение по эгонали и одновременное составление антропоидного картоида предполагает множество миров становления и движение по этим мирам принципиально лабиринтообразно.

Эго-наль предполагает не акцент на эгоизме автора, его «я». Она предполагает акт, авторский, ответственный жест-действие, за которое придется отвечать. Это лабиринтообразный трек пути, фиксированный в картоиде, следы выделявания и преобразования человеком своего органа личности, его рефлексивная запись в бортовом журнале.

Опыт самонавигации в педагогической практике.

Сказанное выше будет пусть и интересным, но пока абстрактным рассуждением, если мы не развернём его на конкретной фактуре той или иной антропопрактики. Для примера рассмотрим попытки выстраивания опыта личностной самонавигации в тьюторской практике.

Пример тьюторства важен потому, что фигура тьютора отличается от привычной фигуры педагога тем, что пытается работать не в рамках типовых образовательных программ, по которым обучаются группы учеников, а в формате индивидуальных траекторий и личной навигации [9; 10]. В таком случае тьютору приходится учиться помогать ученику строить его личную карту смысловой самонавигации.

Разумеется, реальная тьюторская практика зачастую редуцируется до простых так называемых индивидуальных планов и программ, отчуждённых от ученика. Последний по этому плану должен «проходить», осваивать те или иные темы, тот или иной учебный материал. Например, индивидуальное освоение программы по математике. Последнее не имеет отношения к феномену личностной самонавигации, поскольку не предполагает осуществления лабиринтообразного, эго-нального опыта личностного строительства. Тем более современная массовая школа ин-

ституционально, организационно не готова создать условия для полноценной работы по выстраиванию и сопровождению личностных траекторий учеников [11]. Традиционная педагогика формирования ученика под заданный образ встречает в штыки педагогику самонавигации личности. Введение педагогики навигации в школу предполагает необходимость институциональных изменений последней, а не просто наличие определённого количества тьюторов.

Но ситуация институциональной неготовности сферы образования в целом к введению иной педагогической парадигмы – особая проблема. В нашей статье мы обсуждаем другое: особый способ и инструмент работы педагога-проводника, тьютора – карту навигации. В этом опыте составления карт пути, пока весьма скромном, современные тьюторы отмечают главную проблему и трудность, связанную с составлением карт пути в ситуации неопределённости: дефицит смысловых опор, реперов в пути [11]. Ученик всегда нуждается в опорах при своем движении. А в случае необходимости работы с собственной навигацией он лишается привычных опор. Это значит, что ему нужны иные, навигационные опоры, не учебные программы и внешние нормы, показывающие его успешность (успеваемость) или неуспешность. В случае с самонавигацией такой опорой и становится антропоидный картоид. Просто он не существует как данный готовый продукт и не предъявлен ученику извне. Так называемая программа индивидуального обучения пока

не становится такой опорой и частью картоида. Но может стать, если будет составляться сугубо как дневник личностной самонавигации и пошагового движения.

И, несмотря на то, что в мире давно известна и описана фигура тьютора, это не значит, что личностная самонавигация давно осуществляется в разных системах образования. Пример школы Саммерхилл (Summerhill school) и многовековая традиция тьюторства в университетах Европы, равно как и пример Царскосельского лицея в России пока показывают опыт индивидуального обучения и реализации идеологии свободы личности (как следствие введённого института частной собственности, главная форма которой – личность). Но индивидуальное обучение и личностная навигация – вещи разные. Об этом надо говорить отдельно.

Надо отметить также, что мы пока не встретили опыта описания того, что такое составление карты личностной самонавигации, как она устроена, какие бывают различные антропопрактик по составлению практик самонавигации. Это остаётся задачей на будущее.

Тем не менее, проблема выращивания и выстраивания в сфере образования (в широком смысле, включая уличную педагогику, центры развития, семейное воспитание) тьюторской работы как антропопрактики реально осмысляется, и уже выстраиваются отдельные образовательные полигоны, позволяющие выстраивать работу по личностной самонавигации. И тогда идея антропоидного картоида не кажется фантастикой и выдумкой праздного ума.

Библиография:

1. Примо Леви. Канувшие и спасенные. – Москва: Новое издательство. – 2010. – 196 с.
2. Агамбен Дж. Номо sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. – М.: Европа, 2012. – 192с.
3. Шаламов В.Т. «Новая проза». Из черновых записей. 70-х годов. О моей прозе // Новый мир. – 1989. – № 12. – С. 3-71.
4. Родман Б.Б. География: методологический портрет. // Кентавр. Методологический и игротехнический альманах. – № 1. – 1996.
5. Смирнов С.А. Чёртов мост. Введение в антропологию перехода. Новосибирск. Офсет. 2010. – 491 с.
6. Смирнов С.А. Форсайт: от прогноза к социальной инженерии. // Вестник НГУЭУ. – 2014. – № 3. – С. 10-30.
7. Розин В.М. Осмысление концепции «форсайт» или новый тип социального действия в современной культуре. URL: <http://cult-cult.ru/conceptualization-of-foresight-or-a-new-type-of-social-action-in-modern-culture/> (дата обращения 13.10.2015 г.)
8. Панаттони Р. Антропологические направления значений горизонтальности и вертикальности. // Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры. Материалы Международной конференции памяти философа, социолога, психолога Г.В.Иванченко. Часть I. – М.: Канон+, 2015. – С. 407-414.

9. Ковалева Т.М. Оформление новой профессии тьютора в российском образовании. // Вопросы образования. 2011. №2. – С. 163-180
10. Степанов С.А. Проблема институционализации образовательных форм самонавигации в школе (методологический аспект). // Философия образования, № 6(57). 2014. – С. 166-178.
11. Степанов С.А. Антропология тьюторства. К вопросу о самонавигации. // Человек.RU. Гуманитарный альманах. – Новосибирск: НГУЭУ, 2015. – С. 134-140

References (transliterated):

1. Primo Levi. Kanuvshie i spasennye. – Moskva: Novoe izdatel'stvo. – 2010. – 196 s.
2. Agamben Dzh. Homo sacer. Chto ostaetsya posle Osventsima: arkhiv i svidetel'. – M.: Evropa, 2012. – 192s.
3. Shalamov V.T. «Novaya proza». Iz chernovykh zapisei. 70-kh godov. O moei proze // Novyi mir. – 1989. – № 12. – S. 3-71.
4. Rodoman B.B. Geografiya: metodologicheskii portret. // Kentavr. Metodologicheskii i igrotekhnicheskii al'manakh. – № 1. – 1996.
5. Smirnov S.A. Chertov most. Vvedenie v antropologiyu perekhoda. Novosibirsk. Ofset. 2010. – 491 s.
6. Smirnov S.A. Forsait: ot prognoza k sotsial'noi inzhenerii. // Vestnik NGUEU. – 2014. – № 3. – S. 10-30.
7. Rozin V.M. Osmyslenie kontseptsii «forsait» ili novyi tip sotsial'nogo deistviya v sovremennoi kul'ture. URL: <http://cult-cult.ru/conceptualization-of-foresight-or-a-new-type-of-social-action-in-modern-culture/> (data obrashcheniya 13.10.2015 g.)
8. Panattoni R. Antropologicheskie napravleniya znachenii gorizontal'nosti i vertikal'nosti. // My vse v zabote postoyannoi... Kontseptsiya zaboty o sebe v istorii pedagogiki i kul'tury. Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii pamyati filozofa, sotsiologa, psikhologa G.V.Ivanchenko. Chast' I. – M.: Kanon+, 2015. – S. 407-414.
9. Kovaleva T.M. Oformlenie novoi professii t'yutora v rossiiskom obrazovanii. // Voprosy obrazovaniya. 2011. №2. – S. 163-180
10. Stepanov S.A. Problema institutsionalizatsii obrazovatel'nykh form samonavigatsii v shkole (metodologicheskii aspekt). // Filosofiya obrazovaniya, № 6(57). 2014. – S. 166-178.
11. Stepanov S.A. Antropologiya t'yutorstva. K voprosu o samonavigatsii. // Chelovek.RU. Gumanitarnyi al'manakh. – Novosibirsk: NGUEU, 2015. – S. 134-140